

Лекарь Ли хлопнул в ладоши и проговорил: Ныне стоит лютая зима. Князь после возлияний разгорячился, а в состоянии опьянения, сбросив одежду, уснул на холоде. В тело проник вредоносный холод, что привело к застою ци и перекрытию меридианов — это классический случай стрессового состояния, вызванного сильным переохлаждением.

Лекарь Ван добавил: Совершенно верно, симптомы в точности соответствуют записям в медицинских трактатах. Более того, консилиум четырех прославленных врачей столицы пришел к тому же выводу, что и мы. Разве могут прописанные нами лекарства оказаться неверными?

Девятый ван с тревогой взглянул на Цзо Хунцю, но та уже подошла к постели Хуай-вана: Ваше Высочество, позвольте мне проверить ваш пульс.

Хуай-ван протянул руку, с любопытством разглядывая незнакомку, которую привел Девятый ван.

Спустя долгое время Цзо Хунцю поднялась и произнесла: Вопреки вашим заключениям, я полагаю, что Хуай-ван страдает от болезни, вызванной сильным жаром. В медицине это называют янским застоем.

Чепуха! Сущая нелепица! — не выдержал лекарь Ван, услышав такой диагноз. — Девушка, как вы смеете нести подобный вздор?

Лекарь Ли тоже покачал головой: Если это болезнь жара, разве не нужно применять охлаждающие препараты? В Хуай-вана уже проник патогенный холод, если вы дадите ему холодное лекарство, это будет равносильно преступной халатности!

Два лекаря так решительно отвергли суждение Цзо Хунцю не только из-за тридцатилетнего опыта, но и потому, что их мнение совпадало с заключениями четырех лучших врачей столицы. Разве мнение столь авторитетных мужей могло проигрывать поверхностным суждениям этой девчонки?

Столкнувшись с их сомнением, Цзо Хунцю спокойно ответила: У Вашего Высочества желтый налет на языке и частый пульс. Это начало лихорадочного заболевания, вызванного внешним фактором. Жар порастил внутренние органы, патогенный огонь пришел в движение, кровь начала бежать быстрее. Пульс быстрый и сильный — это типичный признак болезни жара.

Лекарь Ли покачал головой: Ошибаетесь. Когда патогенная ци находится в избытке, пульс может быть таким же. Девушка, вы смотрите лишь на внешние проявления, не вникая в суть болезни, а это грубейшая ошибка при диагностике.

Цзо Хунцю заметила: Похоже, нам друг друга не переубедить, так ведь?

Лекарь Ван презрительно хмыкнул: Ваши невежественные домыслы не заставят меня изменить мнение.

В этот момент Девятый ван поклонился Благородной супруге Шу: Госпожа, Хуай-ван давно болен, а лекарства, прописанные именитыми врачами, не приносят облегчения. Почему бы вам не позволить Цяолянью попробовать? Быть может, произойдет чудо.

Лицо Благородной супруги Шу помрачнело. Она знала: с тех пор как Хуай-ван слег, они пригласили всех светил столичной медицины. Четыре дня отваров — и болезнь не только не отступила, но стала еще тяжелее. Эти два лекаря подтвердили слова своих предшественников, а значит, если продолжать лечение прежними методами, шансов на выздоровление почти нет.

Может, попробовать?

Цзо Хунцю слегка улыбнулась Девятому вану, а затем поклонилась Благородной супруге Шу: Госпожа, промедление смерти подобно. Если случится разрыв мочевого пузыря, спасти князя уже будет невозможно.

Губы Благородной супруги Шу дрогнули, но она вновь перевела взгляд на лекарей. Видя ее колебания, лекарь Ван холодно усмехнулся: Госпожа, попробовать можно, но если толку не будет, прикажите выгнать ее палками, чтобы она не мешала нам и не смущала ваш покой.

Лекарь Ли добавил с ядовитой ухмылкой: И правда, дайте ей шанс. Вот только боюсь, что Ваше Высочество лишь напрасно пострадает.

Благородная супруга Шу приняла решение и посмотрела на невозмутимую Цзо Хунцю: Цяолянью, я дам тебе шанс. Но если с Лиром случится беда, не вини меня в том, что ты отправишься вслед за ним.

Я поняла, госпожа, — ответила Цзо Хунцю.

Девятый ван, сидевший у постели Хуай-вана, взглянул на Цзо Хунцю, и в его глазах вспыхнул огонек.

Брат Ли, держись. Твоя невестка обязательно справится.

Хуай-ван Инь Ли нахмурился и слабо кивнул. Боль в животе, не утихающая ни на мгновение, почти лишала его рассудка; он был готов умереть, лишь бы прекратить эти невыносимые муки.

Цзо Хунцю подозвала чиновника: Пять цяней ревения, десять цяней померанца, пять цяней магнолии, восемь цяней глауберовой соли. Варить немедленно.

Лекарь Ван усмехнулся: Так это отвар Да Чэн Ци? Это слабительное, холодное средство для сильного вывода жара. Жаль только, что у князя холодный тип болезни, и давать ему такое лекарство — всё равно что совершить преднамеренное убийство.

Лекарь Ван, раз уж госпожа позволила мне лечить, не могли бы вы немного помолчать?

Ты... — лекарь Ван гневно уставился на нее, но вдруг рассмеялся: Что ж, я подожду и посмотрю, будет ли толк от твоего рецепта.

Вскоре чиновник лично принес чашу с черным отваром. Все взгляды были прикованы к дымящейся жидкости.

Видя, что лекарство готово, две служанки приподняли Хуай-вана. Благородная супруга Шу взяла чашу из рук чиновника и, с болью в сердце глядя на сына, начала по ложке вливать отвар ему в рот.

Когда с лекарством было покончено, Хуай-ван откинулся на подушки, и выражение его лица стало еще более мучительным. Уже более четырех дней он не мог сходить в туалет, а постоянное потребление жидкости лишь усиливало вздутие живота, причиняя невыносимые страдания.

Прошло время, достаточное, чтобы выкурить палочку благовоний. Хуай-ван всё еще хмурился, облегчение не наступало.

Благородная супруга Шу переводила взгляд с лица Цзо Хунцю на двух лекарей. Лекарь Ли, поглаживая усы, насмешливо бросил: Похоже, лекарство девицы не помогло.

Лекарь Ван добавил: Ошибка была в самой диагностике. Это снадобье лишь ухудшит состояние Вашего Высочества, как оно могло помочь? Госпожа, прикажите немедленно выгнать эту особу, мешающую лечению! Она отнимает не только наше время, но и жизнь князя.

Лекарь Ли подхватил: Верно, нахваталась верхушек и возомнила себя врачом. Какая дерзость! Госпожа, если с Хуай-ваном случится беда, эту девицу нельзя оставлять в живых.

Благородная супруга Шу ударила по столу: Стража! Вышвырните Девятого вана и его людей прочь! Я больше никогда не хочу их видеть! И еще — Цяолянь, если с моим сыном что-то случится, я жизнь положу, но добьюсь от императора суда над вами. Девятый ван, не вини меня потом за жестокость.

Девятый ван закашлялся: Госпожа, не слишком ли рано делать выводы? Отвару нужно хотя бы полдня, зачем же нас выгонять?

Благородная супруга Шу отвернулась, игнорируя его слова. Десяток стражников ворвался в

комнату. Глава стражи вежливо, но твердо произнес: Ваше Высочество, прошу, не усложняйте нам задачу.

А если я не уйду?

Тогда не вините нас за грубость, — ответил командир, нахмурившись.

Цзо Хунцю оттолкнула двоих стражников: Госпожа, прошу, подождите! Я хочу взглянуть на гушу отвара. Если под моим лечением с Хуай-ваном случится что-то недоброе, я готова ответить своей жизнью за его жизнь.

Девятый ван остолбенел: Жена, зачем ты так?

Потому что Хуай-ван — близкий брат Вашего Высочества, а я не хочу видеть, как вы страдаете.

Цзо Хунцю высвободилась из рук Девятого вана и рухнула на колени перед Благородной супругой Шу: Прошу, госпожа, позвольте мне!

Та холодно рассмеялась: Твоя жизнь не стоит жизни моего сына, но раз ты так просишь, я дам тебе последний шанс. Белый шелк уже готов: если ничего не выйдет, ты умрешь, чтобы искупить свою вину.

Я поняла, — ответила Цзо Хунцю и медленно поднялась.

Лекари лишь презрительно качали головами: Агония перед смертью. Такая молодая — и уже расстается с жизнью. Зачем?

Чиновник принес остатки лекарства. Цзо Хунцю покопалась в них и вдруг спросила: Есть ли в дворцовой аптеке главный?

Чиновник поспешно ответил: Да. Я передал ему ваш рецепт, он отвечал за выдачу трав.

Я прописала обычный ревень, почему в осадке приготовленный на огне? — нахмурилась она.

Чиновник опешил. Он не разбирался в медицине, но понимал, что для лекарств разница между сырым и обработанным сырьем огромна. Он привел управляющего аптекой — мужчину лет сорока пяти, давно служившего во дворце. Тот погладил усы и с апломбом заявил: У князя слабое здоровье, я увидел в рецепте ревень и решил, что лучше использовать приготовленный. Его слабительное действие мягче, он выводит жар и очищает кишечник. Разве я ошибся?

Цзо Хунцю помрачнела: Да, существует много способов обработки ревеня: сырой, вымоченный

в вине, в уксусе, приготовленный на огне. Но их действие различно! Не каждый ревень обладает слабительным эффектом. Смешивая их, вы не только не лечите, но и упускаете время, губя человеческую жизнь!

Управляющий, видя строгость Цзо Хунцю, опустил голову, но в его глазах читалось недоверие к ее словам из-за ее юности и пола.

Чиновник, будьте добры, проводите меня в аптеку, я сама возьму лекарство.

Управляющий осторожно взглянул на Благородную супругу Шу, затем на лекарей. Старые врачи, рассудите, разве я ошибся? Эта девушка явно ни во что не ставит здоровье князя!

Лекарь Ван кашлянул: Девица, хотя обработанный ревень слабее сырого, он всё равно обладает слабительным действием. Почему же лекарство не подействовало?

Цзо Хунцю остановилась: Вы много лет в медицине и должны знать, что реакция на ревень у всех разная. Кто-то чувствует эффект от пары цзяней, а кому-то не поможет и целый лян. Думаю, Хуай-ван нечувствителен к этому препарату.

Лекарь Ли махнул рукой: Словесная эквилибристика и софистика!

Цзо Хунцю лишь слегка улыбнулась и, не желая спорить, последовала за чиновником.

Для всех, кто находился в комнате, это время тянулось мучительно долго. По мере того как действие иглоукалывания ослабевало, Девятого вана начал душить кашель; он прикрыл рот платком, на котором остались следы крови.

Когда терпение присутствующих было на исходе, Цзо Хунцю наконец вернулась с новой чашей отвара. Девятый ван дрожащими руками оперся о стену, его яркие глаза не отрывались от нее.

Благородная супруга Шу холодно произнесла: Цзялянь, а если и после этого лекарства Лиру не станет лучше?

Цзо Хунцю спокойно передала чашу служанке: Я готова искупить вину своей жизнью.

Благородная супруга Шу кивнула: Хорошо. Лир попробует в последний раз.

Лекари холодно наблюдали со стороны. Они с самого начала считали действия Цзо Хунцю фарсом, за который она расплатится своей головой. Девушка слишком молода — разве можно давать такие гарантии? Они сами за тридцать лет практики не раз видели, как пациенты умирали, несмотря на лечение. Если бы каждый раз приходилось расплачиваться собственной жизнью, они бы уже давно были на том свете.

Хуай-ван, прижавшись к служанкам, корчился от боли. Мало того, что у него был запор, так за час в него влили две чаши отвара. Даже такой сильный и храбрый человек не выдержал — он вцепился в простыни, весь покрывшись холодным потом. Вскоре он начал тихо стонать: Больно... живот болит...

Благородная супруга Шу в ужасе подбежала к нему, коснулась его лба и увидела, что крупные капли пота мгновенно намочили его одежду. Видя мучения сына, она подскочила к Цзо Хунцю и отвесила ей звонкую пощечину: Говори! Какую отраву ты дала Лиру?!

Лекарь Ван, увидев смятение чиновника, вырвал у того листок с рецептом: Тут написано: две порции ревеня и две цяни мыльного дерева! Он вскрикнул: У князя холод, а она дает такую дозу сырого ревеня! Это всё равно что человека, продрогшего до костей зимой, бросить в ледяную прорубь! Теперь даже мы не сможем спасти его жизнь!

Лекарь Ли вторил ему, сокрушаясь: Если бы он пил наши лекарства, пусть не сразу, но симптомы бы утихли. А теперь? Такая мощная доза убьет даже живого Хуа То!

Благородная супруга Шу кусала локти: Мерзавка! Ты специально пришла погубить моего сына? Это навет наложницы? Ее сын болен, вот она и не хочет, чтобы мой процветал?

Девятый ван, помрачнев, заслонил собой Цзо Хунцю: Госпожа, следите за языком. Вокруг много ушей.

Благородная супруга Шу горько усмехнулась: Сын умирает, зачем мне теперь жить? Девятый ван, отойди! Эта дрянь клялась жизнью! Я не успокоюсь, пока не увижу, как она испустит дух. Стража, несите шелк!

Вскоре длинный белый отрез лег перед Цзо Хунцю.

Дрянь, вешайся сама.

Девятый ван, задыхаясь от кашля, попытался оттолкнуть стражников, но те были слишком сильны и оттеснили его. Белый шелк уже затянулся на тонкой шее Цзо Хунцю. Она по-прежнему была спокойна, сидя на полу: Если Хуай-ван выживет, приходите каждый год в день поминовения предков к моей могиле. Тогда я буду знать, что погибла не зря.

Линь Цин, Гао Юань, немедленно спасите княгиню, на меня не смотрите! — прохрипел Девятый ван.

Есть!

Верные стражники бросились в бой, обнажив стальные клинки. Благородная супруга Шу и лекари в испуге отпрянули. Началась свалка. Двое дворцовых стражников, по приказу супруги

Шу, вцепились в руки Цзо Хунцю, волоча ее в другую комнату — было ясно, что она решила во что бы то ни стало отправить ее на тот свет.

Линь Цин и Гао Юань, как ни были искусны, не могли прорваться сквозь десяток врагов. Девятый ван, спотыкаясь, рванулся вперед, но стражник пнул его в грудь. Он рухнул на пол, извергая поток крови.

Видя, что Девятый ван упал, Линь Цин и Гао Юань обезумели, но их держали в тисках. Стражники по знаку Благородной супруги Шу вознамерились растоптать Девятого вана — того, кто уже был в крови и с трудом дышал.

В этот критический момент чья-то тень метнулась вперед, одним ударом отшвырнув стражника. Тот врезался в своих товарищей. Только тогда Линь Цин и Гао Юань смогли вырваться и броситься к Девятому вану.

Находясь в полузабытьи, Девятый ван почувствовал укол в шею, и сознание прояснилось.

Цзо Хунцю убрала серебряную иглу и, поднявшись, холодно произнесла: Меня можно оскорблять и даже пытаться убить, но Девятый ван — особа высокого ранга, как вы смеете его трогать? Благородная супруга Шу, вы посмели публично избивать князя, даже у императора вы не найдете защиты!

Девятый ван, опираясь о стену, смотрел на величественную Цзо Хунцю. Двое стражников, что держали ее, валялись на полу, парализованные иглой.

Благородная супруга Шу, бледная от ярости, бросила: Вы еще смеете пререкаться? Говорю тебе, дрянь: если с Хуай-ваном что-то случится, я тебя уничтожу!

Хуай-ван, пребывавший в муках, вдруг неистово закричал: Живот! Живот болит!

Благородная супруга Шу бросилась к нему, сжимая его холодные руки: Мой бедный Лир...

Она обернулась и рявкнула: Схватить эту мерзавку! Истерзать ее! Я отвечу за всё!

Есть!

Стражники с обнаженными мечами окружили их. Они были в ярости от того, что девчонка их обхитрила, и горели желанием смыть позор.

Вперед! — крикнул глава стражи.

Если бы Хуай-ван был здоров, он бы не допустил такого бесчинства. Но сейчас он чувствовал, как в животе бурлит, все тело было мокрым от холодного пота. В тот момент, когда он решил, что боль бесконечна, из нижней части живота пришло долгожданное чувство.

Горшок... Скорее, горшок! — прохрипел он.

Служанка, услышав это, взвизгнула: Князю нужен горшок!

Все замерли. Лекари и стражники остановились, глядя на Хуай-вана. Благородная супруга Шу, дрожа, подняла сына, словно во сне. Двое слуг принесли судно, усыпанное золой. Не до приличий — Хуай-ван расстегнул пояс и сел на него.

Прозвучал громкий звук, Хуай-ван расслабился, а затем послышался непрерывный, облегчающий слух шум.

После того как всё закончилось, несмотря на зловоние, лица всех присутствующих озарились радостью. Обтерев князя, Благородная супруга Шу бережно уложила его обратно в постель.

<http://bllate.org/book/21872/2270676>